

Зиновьева Вера Владимировна

РИЧАРДСОН И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ВО ФРАНЦИИ: К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ

Статья посвящена исследованию влияния Самюэля Ричардсона на формирование французского эпистолярного романа. Рассматривается вопрос развития психологического романа, причины облачения его в форму письма, выявляются приемы отображения действительности Ричардсоном и его французскими последователями. В рамках статьи предоставляется краткая справка о зачинателе литературы английского Просвещения - Д. Дефо и о современниках Ричардсона - Т. Смоллетте и Г. Филдинге, которые пошли по параллельному пути развития романа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 88-90. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-6

Филологические науки

Статья посвящена исследованию влияния Самюэля Ричардсона на формирование французского эпистолярного романа. Рассматривается вопрос развития психологического романа, причины облачения его в форму письма, выявляются приемы отображения действительности Ричардсоном и его французскими последователями. В рамках статьи предоставляется краткая справка о зачинателе литературы английского Просвещения – Д. Дефо и о современниках Ричардсона – Т. Смоллетте и Г. Филдинге, которые пошли по параллельному пути развития романа.

Ключевые слова и фразы: Ричардсон; Руссо; Лакло; XVIII век; эпистолярный роман; традиции сентиментализма и реализма в романе «Опасные связи».

Зиновьева Вера Владимировна

*Московский государственный областной гуманитарный институт
verdj@gumlitsei.ru*

РИЧАРДСОН И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ВО ФРАНЦИИ: К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ©

Самюэль Ричардсон (1689-1761 гг.) внёс значительный вклад в развитие европейского эпистолярного романа. С его именем связана целая эпоха становления реалистического романа и романа в духе сентиментализма. Произведения Ричардсона: «Памела, или Награждённая добродетель» (1740 г.), «Кларисса, или История юной барышни» (1748 г.) и «История сэра Чарльза Грандисона» (1753 г.), – повлияли на творчество целой плеяды европейских писателей XVIII века (Руссо, Гёте, Лакло, де ла Бретонна, Геллерта, Лессинга, Виланда). Выявление общих приёмов отображения действительности писателем и его главными французскими последователями является основной задачей данной статьи.

Рассматривая проблему эволюции эпистолярного жанра в европейской литературе, следует, прежде всего, обратиться к вопросу развития романа как такового в европейском обществе. Роман, говоря словами Гегеля, становится «буржуазной эпопеей» [2, с. 474] в XVIII веке. Исторически это совпадает с периодом зрелого Просвещения в Англии, и роман – наряду с драмой, памфлетами, эссе – становится действенным средством выражения и распространения просветительских идей. Эпистолярному роману будет суждено стать вершиной развития этого литературного жанра. Начинается же «эпопея буржуазного общества» с имени Д. Дефо (1660-1731 гг.) – одного из первых представителей литературы английского Просвещения, создавшего в 1719 году «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Реалистический роман Д. Дефо буквально пронизан социальными и философскими идеями.

Ричардсон, с одной стороны, и два других последователя романа Дефо – Г. Филдинг (1707-1754 гг.) и Т. Смоллетт (1721-1771 гг.) – с другой, являются, по сути, зачинателями двух параллельных путей развития романа. Филдинг с его «комическим эпосом в прозе» и Смоллетт со своим героем-странником идут по пути так называемого «романа большой дороги». Ричардсон же создаёт психологический роман, погружающий читателя в душевный мир героя. Если Дефо сосредоточен на том, что видят и делают его герои, то Ричардсон сталкивает читателя со всей гаммой чувств героев. Форма письма, избранная Ричардсоном, позволила продемонстрировать всю глубину и романтизм, казалось бы, повседневных событий. Тонкий анализ переживаний людей, противоречивости чувств, способность не просто уловить, но и воссоздать в литературных произведениях дух времени сделали Ричардсона популярным романистом. Неслучайно Ричардсона нередко называют отцом европейского сентиментализма.

Романы Ричардсона известны и своей морализаторской стороной. Д. Дидро (1713-1784 гг.) в своем «Похвальном слове Ричардсону» говорит следующее: «Всё то, что Монтень, Шаррон, Ларошфуко и Николь выразили в максимах, Ричардсон выразил в действии» [3, с. 300]. Заметим, нет ничего нового в том, чтобы сравнивать романиста и моралиста. Возьмём, для примера, популярнейшего моралиста XVIII века – А. Ф. Прево (1697-1763 гг.), который в своём предуведомлении к «Манон Леско» (1731 г.) говорит: «Произведение в целом представляет собою нравственный трактат, изложенный в виде занимательного рассказа» [7, с. 9].

У Дидро на это совершенно иной взгляд: при чтении романов Ричардсона читатель как будто является участником театральной постановки, участником незримым, но способным идентифицировать персонажей с собой или с окружающими, как бы вести с ними диалог. Именно в этом подходе, манере взаимодействия с читателем и кроется секрет успеха Ричардсона. Он осмелился написать саму историю, прежде чем вывести из неё мораль. Дидро ставит Ричардсона в один ряд с Моисеем, Гомером, Еврипидом, Софоклом, призывает читать его, читать непрерывно. Автор «Похвального слова» утверждает, что достаточно было бы одного из трёх произведений Ричардсона, чтобы обессмертить его имя.

Отметим, что французские просветители вообще оперативно откликнулись на творчество Ричардсона. И хотя романы самого Дидро далеки от сентиментализма Ричардсона, этого нельзя сказать о «Новой Элоизе» (1761 г.) Ж.-Ж. Руссо (1712-1778 гг.), ставшей вершиной французского сентиментализма.

Начиная с 60-х годов XVIII столетия, французская литература в лице Ж.-Ж. Руссо заявляет о превосходстве чувств над разумом. Происходит своеобразная переоценка ценностей, прогресс и цивилизация критикуются. Культ природы, а вместе с ней и проявления чувств отчётливо прослеживаются в творчестве Руссо. Французская публика уже была несколько подготовлена к чувствительной литературе и трогательным эпизодам, не прошёл еще восторг от «Манон Леско» (1731 г.) Прево и «Жизни Марианны» (1731-1741 гг.) Мариво. Руссо, как и почитаемый им Ричардсон, облачает основные черты сентиментализма: многогранные характеры персонажей, культ чувства, богатый духовный мир, – в форму письма. Если романы Ричардсона еще довольно рассудочны, то у Руссо способность личности чувствовать, становится чуть ли не главным её достоинством.

Руссо как самый радикальный представитель Просвещения утверждает всеобщее равенство людей. Этого нельзя сказать о Ричардсоне, в романах которого сохраняется почтение к положению и рангу, что, однако, не мешает ему наполнить переживания служанки Памелы, например, благородством, глубиной, тонкостью.

Руссо отходит и от найденной Ричардсоном модели свершения действия в стенах одного дома. Родительский дом Юлии, Париж, идиллия Женевского озера – основные «фоны» событий, среди которых описание последнего даёт полное право назвать Руссо основателем лирического пейзажа. Природа в «Новой Элоизе» насквозь пронизана чувствами и духом героев, связана с их переживаниями. Пейзаж уже не просто украшение повествования, но и истинный участник событий. Первое издание романа имело подзаголовок: «Письма двух любовников, живущих в маленьком городке у подножия Альп».

На титульном листе можно было увидеть и продолжение этой фразы: «Собраны и изданы Жан-Жаком Руссо». Тем не менее, эпистолярный роман и Ричардсона, и Руссо, и дальнейших их последователей – это мнимая документальность. Автор выдаёт себя за издателя, а не за сочинителя, что позволяет не только достичь большего правдоподобия, но и спорить со своими героями, комментировать их взгляды относительно искусства, поэзии. Руссо это делает, например, в подстрочных примечаниях к роману, очень широко раскрывая свое мировоззрение.

Не случайно «Новую Элоизу» считают первым идейным романом во французской литературе. Руссо предельно ясно обрисовал свой идеал человека. В истории литературы XVIII века немало произведений, в которых мужчины знатного происхождения соблазняют или пытаются соблазнить, как это происходит, например, в «Памеле» Ричардсона, простолудинок. У Руссо же падение девушки становится ее возвышением.

Заявления Руссо о превосходстве чувств над разумом и сердца над рассудком, критика прогресса и цивилизации, попытки подтолкнуть читателя к переоценке ценностей – нравственных и эстетических – выливаются в целое идейное движение – руссоизм.

Одним из последователей и Руссо, и Ричардсона становится Пьер-Амбуаз-Франсуа Шодерло де Лакло (1741-1803 гг.). Период написания «Опасных связей» (1782 г.) – это как раз тот дореволюционный период, когда в среде аристократии господствуют настроения критического отношения к религии, в среде буржуазии – к произволу власти. Роман, хотя и появившийся за семь лет до революции, произвёл настоящую революцию в умах людей. Герои романа – типичные представители предреволюционной эпохи. Шодерло де Лакло достиг своей цели изобразить безнравственную, циничную, предающуюся сладострастию аристократию, создав роман в письмах, соединяющий психологический анализ, тонкий расчёт и чувства, и игру и правдивость.

Поэтика «Опасных связей» – это одновременно и продолжение традиции, и отступление от неё. Традицией написания эпистолярного романа XVIII века, заложенной Ричардсоном и с успехом продолженной Руссо, в частности, стало представление автора как издателя, а не как сочинителя: «содержит лишь незначительную часть той переписки... Лица... пожелали опубликовать ее и поручили мне подготовить письма к изданию» [5, с. 10]. Предупреждает Лакло и о том, что «исключил или изменил имена всех лиц, о которых идёт речь в этих письмах» [Там же]. А речь идёт о современной автору знати Гренобля. «Морализаторская или предостерегающая функция» романа также не остаётся в стороне. Согласно Лакло, «разоблачить способы, которыми бесчестные люди портят порядочных, значит оказать большую услугу добрым нравам» [Там же, с. 12].

Вышесказанное можно чётче проследить и на примере афоризмов, психологических наблюдений, наполняющих роман: «Поверьте мне, виконт, редко приобретаешь те качества, без которых можешь обойтись» [Там же, с. 140]; «Мужчина наслаждается счастьем, которое испытывает он сам, женщина – тем, которое даёт она» [Там же, с. 248].

Если у Ричардсона и Руссо герои делятся по социальной принадлежности, то у Лакло, скорее, обнаруживаются злодеи и жертвы. К первым относятся аристократы-либертины, та самая гренобльская, да и вся знать предреволюционной эпохи в целом. Ко вторым – невинные, доверчивые, добродетельные представители общества. В то же время героев Лакло многое роднит с героями Ричардсона. Неустанно проводятся параллели между Вальмоном и Ловеласом, президентшей де Турвель и Клариссой. Вальмон прямо говорит об этом в одном из писем: «Трудность для меня не в том, чтобы к ней проникнуть, хотя бы даже ночью, не в том даже, чтобы усыпить ее и превратить в новую Клариссу...» [Там же, с. 210].

Общим для эпистолярных романов Лакло, Руссо и Ричардсона является и то, что персонажи в них изображены не таковыми, каковы они есть на самом деле, а через призму восприятия их другими людьми. Эта стилистическая находка позволила создать многоплановых, многогранных героев. Вальмон, например, то раскаявшийся соблазнитель, то сама любезность, то лживый и опасный распутник, то, наконец, попавшийся в капкан собственных интриг несчастный.

В «Опасных связях» чётко прослеживаются традиции сентиментализма. Однако здесь описание ведётся двумя путями: наигранные и подлинные чувства и эмоции. Так, Маркиза де Мертей постоянно подчёркивает разницу между своими истинными настроениями и мыслями и тем образом, в котором она предстаёт другим. Так же как и в образе виконта, в образе маркизы привлекает внимание доведённая до предела рассудочность. Она анализирует

и держит под контролем разума любой свой поступок, просчитывает каждый шаг. Между героями идёт не столько игра, сколько схватка, ожесточённая борьба, подчинённая строго продуманной тактике и стратегии.

Вся сила сентименталистского аспекта романа в том, что, в конце концов, и маркиза начинает ревновать виконта к президентше, да и сам расчётливый виконт к тому времени влюбляется в свою «жертву». Превосходство чувства над разумом, в лучших традициях сентиментализма, становится очевидным.

В то же время близок Лакло и к реализму. Не зря, не успев выйти в свет, произведение вызвало волну негодования в кругах аристократии, ведь автор открыто осуждал окружающую его действительность. «Отрицательные персонажи» Лакло имеют свою жизненную философию, которой и подчинено всё их поведение. Не они приспособливаются к окружающей их среде, а окружающую действительность подчиняют себе.

Но как бы ни были хитры и изощрённы «злодеи», как бы ни были наивны и беспомощны «жертвы», не видим мы в романе однозначной победы зла над добром, или же добра над злом. Финал романа – катастрофа, как для первых, так и для вторых. Виконт де Вальмон погибает, Маркиза де Мертей проводит дни в изгнании, забытая всеми, президентша де Турвель заболевает и умирает, Сесиль проводит остаток жизни в монастыре, кавалер Дансени тоже не обретает счастья. Представители старого режима – виконт и маркиза – оказались не так могущественны, как предполагали, – зло наказано. Но и положительные герои не так сильны, чтобы добро одержало безраздельную победу. В этом состоит параллель романа с социальной картиной конца XVIII века.

Роман написан в переходную эпоху, и, действительно, сложно выделить какой-либо один конкретный доминирующий в нём художественный стиль. Если «Ричардсон» – это письма в стиле реализма, «Руссо» – письма в стиле сентиментализма, то «Лакло» – это и сентиментализм, и просветительский реализм, и даже фривольность рококо, и психологизм.

XVIII век дал целую плеяду писателей, избравших способом для выражения своих воззрений, как сентименталистских, так и реалистических и просвещенческих, форму романа в письмах. Используя эпистолярный жанр, автор проводит тонкий психологический анализ, раскрывает внутренний мир персонажей, причём с различных позиций, а также даёт возможность сквозь века стать свидетелем той или иной эпохи, её нравов и обычаев, при всём этом не упуская возможности сделать свой роман своеобразной энциклопедией, пособием по «оказанию услуг добрым нравам» (Лакло).

Общим для Ричардсона и двух его основных французских последователей – Руссо и Лакло, явились морализаторская сторона произведения, сентименталистское направление сюжета, позиция автора как издателя, мнимая документальность. Но в то же время Руссо погружается в создание лирического пейзажа, а Лакло тяготеет к реализму.

Образы, созданные Ричардсоном, Руссо, Лакло многогранны, эту особенность в глазах читателя им придаёт то, что авторы изображают их не такими, какие они есть на самом деле, а такими, какими они видятся другим. Следует отметить, что именно эпистолярная форма романа позволила романистам XVIII века наиболее полно осуществить перенос акцентов с внешнего плана на внутренний. Героини Ричардсона, Руссо, Лакло борются не с окружающим миром, а сами с собой. Письма передают тончайшие оттенки чувств и мыслей героев, в необыкновенно драматической форме представляют конфликт интересов. Благодаря этому жанр эпистолярного романа оказался тесно связанным с психологическим и сентименталистским романами, пришедшими на смену роману авантюренному.

Список литературы

1. Верцман И. Е. Жан-Жак Руссо. М., 1958. 271 с.
2. Гегель Г. Эстетика: в 4-х т. М.: Искусство, 1968-1973. Т. 3. 621 с.
3. Дидро Д. Эстетика и литературная критика. М.: Художественная литература, 1980. 659 с.
4. История всемирной литературы: в 8-ми т. / АН СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького; гл. ред. Г. П. Бердников. М.: Наука, 1983-1994. Т. 5. 784 с.
5. Лакло Ш. Опасные связи / пер. Н. Рыкова. М.: Наука, 1965. 359 с.
6. Пахарьян Н. Т. История зарубежной литературы XVII-XVIII вв.: учеб.-методич. пособие. М.: Изд-во РОУ, 1996. 101 с.
7. Прево А.-Ф. История кавалера де Грие и Манон Леско. История одной гречанки. Новеллы. М.: Правда, 1989. 544 с.
8. Ричардсон С. Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов. Ч. 1-6 [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/book/semyuel_richardson/dostopamyatnaya_gizn_devitsi_klarissi_garlov.html (дата обращения: 14.03.2014).
9. Chartier P. Introduction aux grandes théories du Roman. Paris: Bordas, 1990. 217 p.
10. Diderot D. Contes et romans / éd. par M. Delon. Paris: Gallimard, 2004. 1300 p.

RICHARDSON AND HIS MAIN FOLLOWERS IN FRANCE: ON THE PROBLEM OF INFLUENCE

Zinov'eva Vera Vladimirovna
 Moscow State Regional Institute of Humanities
 verdj@gumlitsei.ru

The article is devoted to investigating the influence of Samuel Richardson on the formation of a French epistolary novel. The paper examines the problem of developing psychological novel, reasons for introducing it in a form of a letter, reveals the methods for representing the reality used by Richardson and his French followers. Within the framework of the article the author presents a brief reference to the founder of the literature of English Enlightenment – D. Defoe and to Richardson's contemporaries – T. Smollett and H. Fielding who chose the alternative way of novel development.

Key words and phrases: Richardson; Rousseau; Laclos; XVIII century; epistolary novel; the traditions of sentimentalism and realism in the novel “*The Dangerous Liaisons*”.